

практически себя не проявил, в литературе зафиксировано его участие лишь в одной выставке 1940 года⁷. В каталоге указан адрес: ул. Короленко, 20. Довоенные одесские коллекционеры запомнили Зусера собирателем и поставщиком картин. Трагически погиб в октябре 1941 года, через несколько дней после ухода из Одессы советских частей (16 октября) и вступления румынских войск.

22 октября 1941 года произошел печально знаменитый взрыв здания бывшего управления НКВД, где только что расположилось какое-то оккупационное учреждение. Погибло большое число солдат и офицеров, среди них и высокие чины. На следующий день на город обрушилась волна массового террора, убивали без разбора тысячи мирных жителей, попадавших в тот момент. По заявлению румынских властей, казнили по двести заложников за каждого офицера и по сто за солдата. В числе жертв оказался и Зусер, его повесили неподалеку от его дома. Вскоре все еврейское население города было насильственно переселено в гетто в районе Слободки. Родные Зусера, покидая городскую квартиру, захватили рулон с несколькими холстами из коллекции погибшего, в их числе и работу Пастернака. Позднее, когда началось переселение из гетто в сельские местности, портрет вынес в город один из дальних родственников. Он сохранил его до наших дней как реликвию того страшного времени.

Примечания

¹ Гос. архив Одесской области (далее — ГАОО). — Ф. 39. Одесский раввинат. — Оп. 5. — Д. 84. Метрическая книга о браке Одесского раввината за 1897 год. — Л. 62, об. № 365. — У мужа двойное имя: Гозиас Герман Яковлевич. Так он упоминался всегда в документах, чаще — через дефис, а в быту значился упрощенно как Герман.

² ГАОО. — Ф. 39. — Оп. 5. — Д. 87. Метрическая книга о рождении Одесского раввината. 1898. — Л. 81. № 314. — Во всех официальных документах значился с двойным отчеством: "Филипп Гозиас-Германович" (в гимназическом аттестате, в университетских делах), в быту же — Филипп Германович.

³ Пастернак Л.О. Записи разных лет. — М., 1975. — С. 31.

⁴ ГАОО. — Ф. 45. — Новороссийский университет. — Оп. 5. — Д. 3319. Дело студента Гозиасона Филиппа Гозиас-Германовича. — 25 листов.

⁵ Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья. 1917-1939: Биографический словарь. — С.Пб, 1999. — С. 228. — Ошибка в отчестве Гозиасона.

⁶ ГАОО. — Ф. 368. Одесское художественное училище. — Оп. 1. — Д. 429. Зусер А.Н. — Л. 7.

⁷ Первая отчетная выставка творческого сектора художественно-скульптурных мастерских. 21 декабря 1939 года — 25 февраля 1940 года: [Каталог]. — Одесса, 1940. — С. 13, №№ 129-137; с. 25, № 544; с. 62.

Три года с мечтой об Одессе

Это — рассказ об одесском Украинском театре в годы Великой Отечественной войны. Он сложился из воспоминаний людей, которые много лет служили в нем, и для которых все происходившее в военное лихолетье — часть биографии, часть судьбы. Лет двадцать тому назад я записал воспоминания директора театра в годы войны Владимира Григорьевича Вольского, народного артиста Украины Александра Устиновича Луценко, режиссера-постановщика Иосифа Львовича Берковича. А толчком к написанию этой статьи стали записи одной из ведущих актрис Фени Львовны Шнейдер, многое прояснившие и дополнившие. Записи эти были любезно предоставлены дочерью Ф.Л. Шнейдер — хранителем музея Украинского театра Людмилой Александровной Коваленко.

29 мая 1941 года театр выехал на гастроли в Минск. Настроение у всех было приподнятым. Предыдущие гастроли в Белоруссии были успешными. Близость языков, близость культур обуславливала полное взаимопонимание со зрительным залом. На этот раз предстояло работать на сцене Белорусского драматического театра имени Янки Купалы, одной из центральных площадок столицы. Выехавший ранее для решения организационных вопросов заместитель директора В.Г. Вольский сообщал, что реализация билетов идет успешно, несмотря на конкуренцию со стороны МХАТа, который должен был работать параллельно с Одесским украинским театром имени Революции.

Поезд, на котором одесситы прибыли в Минск, торжественно встречали представители театральной общественности Белоруссии. На гастроли приехал весь творческий состав. Предполагалось показать шестнадцать работ театра, среди которых были спектакли по украинской и западноевропейской классике, пьесы современных драматургов. Одновременно предполагалось репетировать драму И. Франко "Украдене щастя".

Открылись 3 июня спектаклем "Богдан Хмельницкий" по пьесе А. Корнейчука. Затем пошли "Платон Кречет", "Васса Железнова", "Запорожец за Дунаем", "Коварство и любовь", "Цыганка Аза", "Мораль пани Дульской"... Когда выбирался свободный вечер, одесские актеры пробивались на спектакли МХАТа. На зависть рядовым минчанам гостям из Одессы на каждый мхатовский спектакль было зарезервировано десять билетов.

Как всегда, артисты Украинского театра наряду с "производственными спектаклями" охотно встречались с рабочими и колхозниками, вои-

нами Красной Армии. Одна из таких встреч состоялась в субботу, 21 июня, в Доме офицеров. Зал был переполнен. А назавтра уже в самом Театре имени Янки Купалы в 10.00 должен был состояться шефский спектакль "В степях Украины" для солдат минского гарнизона. Актеры, как всегда, пришли в театр за час до начала, загримировались. Перед началом оказалось, что в партере сидит всего восемь солдат. Это было непонятно, непривычно... Кто-то из актеров сказал, что слышал вчера в Доме офицеров, что солдат переводят в летние лагеря, намечаются маневры — возможно, причина в этом. И вдруг, как гром среди ясного неба, выразительный громкий голос народной артистки Украины Лидии Владимировны Мациевской: "Война!".

"Это было слово, которое сломало все, что происходило в недавнем прошлом, — вспоминал И.Л. Беркович. — В этот момент мелкими, микроскопическими показались все проблемы, которые обсуждались еще сегодня утром: кому-то не дали роли в новом спектакле, кому-то не добавили десятку к зарплате, кому-то не достался билет во МХАТ на "Дни Турбиных". Спектакль отменили, но никто не уходил. Что делать? Как быть дальше?.. А на улицах уже появились машины с первыми беженцами из Западной Белоруссии. А к вечеру окна домов уже были перечеркнуты бумажными крестами, а на тротуарах были выставлены мешки с песком. Весь день объявлялась воздушная тревога, но налетов не было. Всю ночь сидели у открытых окон и философствовали: что будет завтра? На 23 июня была назначена утренняя репетиция "Украденного счастья". Репетиция не была отменена. Какое отношение может иметь война к работе? Режиссер Довбыщенко проводит репетицию так, как проводил ее 21 июня. Правда, вечерний спектакль отменили. Мы пошли во МХАТ на "Школу злословия". В зале человек сто. При движении поворотного круга на сцене все вздрагивают, прислушиваются: думают, что бомбежка. Мы тогда еще не знали, что это такое... Мы решили 24-го прийти в театр и жить там все вместе. 24 июня в 9 часов утра немцы начали бомбить город и не прекращали, пока мы не покинули Минск. Первый налет застал нас по дороге в театр. Мы бросились в какую-то подворотню, оттуда в подвал. Там набилось невероятное количество народа. Люди стояли, сидели, лежали, прижавшись друг к другу... Многие молились — на русском, белорусском, украинском, еврейском языках. Как только бомбежка захлестла, мы побежали в театр. Там уже собралась вся труппа. Многие захватили с собой чемоданы. Но распоряжения об эвакуации пока не было. Настроение у всех было подавленное безысходностью и бездействием.

Вскоре все ощутили голод. Узнали, что на улице Ленина из каких-то складов раздают продукты. Объявилось несколько смельчаков. Под свист пуль, выпускаемых самолетными пулеметами, и шум падающих бомб они побежали за продуктами. К счастью, никто не пострадал. Они принесли продукты, но никто к ним не притронулся. Как раз когда они вернулись, бомба попала в задний флигель театра и разбила декорацию готовившегося спектакля "Украдене щастя". Впрочем, тогда мы все ясно осознавали, что счастье каждого из нас украдено надолго..."

24 июня актеры, подлежащие мобилизации, отправились в ближайший военкомат и больше не возвращались. В пять часов вечера пришел только директор театра Раев — он был офицером запаса — и сказал, что уходит на фронт. Свои полномочия он передал Владимиру Григорьевичу Вольскому. Актерам разрешили выбираться из пылающего пожарами города, кто как сможет. Но в одиночку выбираться никто не захотел. Свои вещи одесситы заперли в кладовке театра, ключи отдали дежурному, хотя каждый понимал, что вряд ли вернется за ними. На улице увидели горящую машину и обугленный труп водителя: для них это была первая жертва войны.

Уходить из Минска решили тремя группами. Первую возглавил В.Г. Вольский. Он нес в руках пачку афиш. Когда его спросили, зачем он это делает, Владимир Григорьевич ответил: "Пока есть афиши, мы — театр". У многих эта фраза вызвала горькую иронию. Но, как оказалось, Вольский был прав. Его не подвело чутье театрального человека.

Несколько слов о нем. Владимир Григорьевич родился в Одессе в интеллигентной семье. Однако вопреки желанию близких, которые хотели видеть его юристом или врачом, он с юных лет привязался к театру. Работал расклейщиком афиш, распространителем билетов, администратором. Когда в 1926 году в Одессу приехал в качестве главного режиссера молодой В.С. Василько, они быстро нашли общий язык, сблизились. В 1928-ом, когда Василий Степанович с группой молодых актеров уехал из Одессы в Харьков, чтобы возглавить Червонозаводский украинский театр, Вольский поехал с ним. С Василько он служил в украинском театре в Сталино (Донецк), а затем в 1939 году с Василием Степановичем возвратился в Одессу. Владимир Григорьевич прожил большую жизнь. Он пользовался огромным авторитетом среди театральных деятелей не только в Украине, но и в Москве, и в Питере, многие администраторы с гордостью называли его своим учителем.

Ночь с 24 на 25 июня одна из групп провела в лесу. Конечно, никто не

спал. Они были свидетелями дерзкого вражеского десанта, который, к счастью, был обезврежен нашими воинами. В напряженной тишине раздавались тревожные гудки эшелонов, направлявшихся на восток. Наутро стаи вражеских стервятников пролетели над лесом — и вскоре раздались взрывы: бомбили индустриальные окраины Минска. По лесу шли три дня в сторону Могилева. Лето было жарким. Хотелось пить. Но все колодцы по пути разбиты. На дне какая-то серая жижа... Но жажда была настолько острой, что пили и эту воду.

По дороге валялись чемоданы с каким-то скарбом, но на них никто не обращал внимания: в такие минуты люди осознают, насколько ничтожны все материальные ценности в сравнении с великим Божьим даром — жизнью.

Из воспоминаний И.Л. Берковича: *"За три дня мы прошли расстояние в сто пятьдесят километров в сторону Могилева. Немцы буквально наступали на пятки. По ночам они на парашютах сбрасывали фонарики, которые освещали местность, а вслед за этим с самолетов сбрасывали парашютистов. Наши красноармейцы их ловили в лесу и тут же расстреливали. К исходу третьего дня от усталости мы уже не могли двигаться... И вдруг — не верим своим глазам: машина везет в Могилев раненых. В кузове есть места. Умолили — и нас взяли. На подъезде к Могилеву неразбериха, заторы на дорогах. Немцы вот-вот войдут в город... Нам повезло: удалось попасть в товарняк, который шел на Сухиничи. Потом мы узнали, что труппа наша собирается в Сталинграде, и поехали туда..."*

Две другие группы, выйдя из Минска, встретились в лесу и дошли до станции Колодищи. Здесь Вольский проявил поистине чудеса своего административного таланта: ему удалось усадить всех в товарный поезд, отправившийся в Куйбышев. Оттуда по Волге добрались до Сталинграда.

Из воспоминаний Ф.Л. Шнейдер: *"В Сталинграде стало ясно, что о возвращении в Одессу мечтать не приходится. Пока решалась судьба театра, нас отправили в совхоз "Лебяжья поляна", где мы собирали урожай. Мужчины работали грузчиками. Так продолжалось до конца лета"*.

Нужно было думать, как жить дальше. В.Г. Вольский обивал пороги разных инстанций, доказывая, что Одесскому украинскому театру необходима помощь.

Из воспоминаний В.Г. Вольского: *"Я горячо убеждал партийных руководителей, что наш театр может принести неоценимую помощь армии и гражданскому населению. В Сталинграде собралось ядро нашей труппы — Мещерская, Загорянская, Крамаренко, Бабенко, Луценко,*

Шнейдер, Михалевич, Ващенко, Орловский, Музыкаченко, Балакин, Цыпа, Чернов, были высокопрофессиональные режиссеры, художник-постановщик, музыканты, опытейшие работники постановочной части. Правда, ни декораций, ни костюмов, ни париков... Все пропало в Минске. Тогда я обратился к коллегам, и сталинградские театры помогли, чем могли. Но этого, конечно, было недостаточно. Решили организовать концерт и весь сбор пустить на организационные расходы. Билеты продали. Аншлаги. А выходить актерам не в чем. Одна пара приличной обуви была у Мещерской, у которой тридцать четвертый размер. Женщины, выходя на сцену, менялись одеждой, чтобы "иметь вид". Помню, с какими вздохами надевали туфли Мещерской те, у кого размер обуви был большим. Но что тут поделаешь!.. На вырученные деньги купили обои, газеты, краски и сделали оформление к двум спектаклям — "Ой, не ходи Грицю..." и "Цыганка Аза".

Вот где пригодились афиши, которые Вольский пронес от Минска до Волги!

9 сентября первый "Гриць". На спектакль пришло много украинцев, которые со слезами на глазах слушали родную речь, родные мелодии. Играли спектакли в Доме офицеров, в совхозе "Красная слобода", на Тракторном заводе... Перед спектаклем директор театра Вольский вышел в зал, прошел по рядам и попросил зрителей, которые пришли в сапогах, дать их на время актерам. Взамен он раздавал туфли и галоши. Однако публику это нисколько не смущало.

В Волгограде театр оставался недолго. Его перевели в Урюпинск. Помещение тамошнего театра было в ужасном состоянии — там размещался пересылочный пункт. Весь театральный коллектив принимал участие в уборке и приведении театра в порядок. А в городе, несмотря на то, что фронт приближался, царил зрительский ажиотаж. Касса открывалась в 11 часов, а очередь за билетами образовывалась в девять. Актеры играли, не зная усталости.

Из Урюпинска В.Г. Вольский съездил в Москву и в Харьков и "узаконил" существование одесского украинского театра как эвакуированного. Это позволило обеспечить труппу хлебными карточками, выплачивать заработную плату и главное — получать средства на постановку новых спектаклей.

"7 ноября коллектив театра собрался вместе, чтобы отпраздновать годовщину Октябрьской революции. На стол высыпали ведро семечек — это было все угощение. Но праздник все равно получился. Люди вспоминали

Одессу, близких. Все верили, что победа будет скорой, и они возвратятся к родным черноморским берегам.

Поздняя осень в Урюпинске была холодной. Помещение, естественно, не отапливалось. Часто не было света, и спектакли проходили при освещении керосиновыми лампами. Но публики в зале всегда было много.

В начале ноября театр получил приказ об эвакуации в город Токмак Киргизской ССР. 7 декабря прибыли на место".

Из воспоминаний А.У. Луценко: "Перед отъездом стали искать по карте Токмак. Увы, он даже не был там обозначен. Уже когда добрались на место, узнали, что это городок в шестидесяти километрах от столицы республики Фрунзе. Маленький городок, мягко сказать — неухоженный. Играли в здании церкви, конечно, не приспособленном для театральной работы, с очень плохой акустикой. Но что делать? 23 декабря сыграли "Ой, не ходи Грицю...", 4 января — "Платон Кречет", затем "Наталку Полтавку", "Легенду про матір" Герасименко... Восстановили "Коварство и любовь". Сегодняшним людям, вероятно, трудно себе представить, какую роль играл театр в то время. Он был праздником для воинов, отправлявшихся на фронт, для труженников тыла, которые работали по двенадцать-четырнадцать часов, для вдов, для детей... В те годы в коллективе театра царил особая атмосфера, я бы даже сказал — идеальная атмосфера, когда каждый осознавал меру ответственности за свое дело. Мы много репетировали. Каждый спектакль игрался с максимальной отдачей. Мы дорожили каждым добрым словом, сказанным зрителями. Мы полностью принадлежали им, а в те несколько часов, что шел спектакль, они принадлежали нам. Какое счастливое единство!..".

В Токмаке происходило то же, что и в Урюпинске. Электричество получали от "движка". Случалось, что спектакль шел... четыре дня. Свет тух, публика расходилась, а назавтра все начиналось сначала. В Музее Украинского театра хранится телеграмма, содержание которой отражает условия существования коллектива в Токмаке:

27 октября 1942 года.

Зам. председателя СНК Кирг. ССР

Тов. Реброву.

Решением СНК СССР и СНК Кирг. ССР от 15 декабря 41 года Одесский Гос. Укр. Театр Революции направлен на постоянную базу в г. Токмак. Работая там, театр, проводит большую политмассовую работу, обслуживая военные части, госпитали, строительство ВЧК, посевную и вы-

езды в колхозы. Театр с большим художественным успехом гастролировал в г. Фрунзе. К XXV-летию Великой Октябрьской революции театр должен выпустить пьесы о Великой Отечественной войне — "Партизаны в степях Украины" и "Русские люди". В связи с отсутствием света в г. Токмаке театр становится в условия срыва всей производственно-финансовой работы и вынужден ставить перед вами вопрос о дальнейшем существовании. Дирекция театра просит вас выделить на ноябрь и декабрь месяцы для существования и работы театра в гор. Токмаке 2.670 кг горючего.

Директор театра В. Вольский.

Судя по всему, организационные усилия руководства приносили желаемый успех. О творческой стороне дела свидетельствует количество спектаклей, которые были восстановлены и поставлены в Токмаке. Постановки осуществляли главный режиссер театра Б. Борин, режиссеры П. Киселевич, К. Чернядев, оформлял спектакли художник С. Кузнецов, музыкальной частью руководил Я. Вайнштейн. Украинская классика была представлена "Запорожцем за Дунаем", "Лимерівной", "Сватанням на Гончарівці", "Цыганкой Азой", "Ой, не ходи Грицю...", "Наталкой Полтавкой", "Бувальщиной". Шли пьесы Корнейчука и Симонова, возродилась "Васса Железнова".

Огромную работу проводила труппа театра по обслуживанию воинских частей и госпиталей. В организации концертов принимала участие не только администрация театра, но и актерская общественность. Здесь особо следует подчеркнуть вклад актрисы Ф.Л. Шнейдер в военно-шефскую работу: благодаря ей были организованы десятки концертов. Театр выступал перед воинами не только в тылу — группа артистов выезжала на Северный фронт. В записках Ф.Л. Шнейдер читаем: "11 марта 1943 года. Выехала на фронт бригада в составе: Л. Мацневская, А. Крамаренко, Г. Бабенко, Ф. Шнейдер, В. Балакин, А. Чернышев, А. Иванова, Я. Вайнштейн, С. Черноморец, Е. Блох. Руководитель бригады — Б. Борин. Репертуар: "Бувальщина", "Наталка Полтавка", концерт. Маршрут: Фрунзе — Москва — Северный фронт. Вернулись в Токмак 6 июля".

О том успехе, который имели выступления бригад, созданных из актеров Одесского украинского театра, свидетельствует пресса времен войны. Газета "Сталинский воин" от 23 мая 1943 года: "Одесские артисты своим искусством внушают веру в победу над ненавистным врагом. Это искусство солнечно, остроумно, в нем неиссякаемый оптимизм одесситов".

Фронт отодвигался на Запад. Надежда на возвращение в родную Одессу становилась все реальнее. Во второй половине марта 1944 года театр выехал на длительные гастроли в Куйбышев. Здесь коллектив узнал об освобождении родного города.

Из воспоминаний А.У. Луценко: *"Шел спектакль — и вдруг за кулисами раздался чей-то голос: "Одессу освободили!". Спектакль остановился. Актеры, стоявшие на сцене, сияли счастьем. На глазах у многих были слезы радости. Зал стоя приветствовал одесситов. Это мгновение жизни, которое никогда нельзя забыть!"*.

3 августа 1944 года коллектив Одесского украинского театра имени Октябрьской революции возвратился в Одессу. В труппу влились актеры, которые работали здесь в период оккупации. А 23 сентября 1944 года спектаклем "Партизаны в степях Украины" театр открыл новый сезон. В афише — четырнадцать названий.

Еще шла война. До великой Победы было не близко. Но в здании на Пастера, 15, шла напряженная творческая работа. Самая мирная. И совсем недавно освобожденный город с благодарностью следил за ней, ибо Украинский театр всегда был в Одессе любимым.

Наталья ПОЛИЩУК

"Во мне болит все человеческое"

Как быстро пролетело время — вот уж и 10 лет, как нет среди нас Сергея Полищука, адвоката, журналиста, поэта... и просто веселого доброго человека. Моего отца. Чем дальше от этого дня, тем больше хочется рассказать о нем, о семье, об окружении, о той атмосфере, в которой он жил и которую создавал вокруг себя. О том, каким он был — и почему был таким, а не иным. Какая кровь текла в его жилах и что его сформировало. Именно поэтому в своей статье мне захотелось обратиться к истокам — его предкам. И не в угоду времени или чтобы покрасоваться, пишу я о предках наших, а чтобы еще раз попытаться понять феномен моего отца, удивительно свободного человека (в самые несвободные времена), никогда не искавшего благ у власти, раба только своей совести и чувства собственного достоинства. А еще мне хочется напомнить о его и их следе в нашем городе.

"Я рад, в моей крови смешалось сто кровей:
Суровый славянин, насмешливый еврей,
Грек — тертый гражданин, разбойник ста морей,
Я рад, в моей крови смешалось сто кровей!"

* * *

Сергею Полищуку повезло дважды. Во-первых, он родился (это я объясню чуть позднее). Во-вторых, он родился в Одессе, в семье, которая была связана с этим городом еще до официальной регистрации в виде Одессы. В 1792 году корнет Степан и кадет Давид Флоринские получили во владение землю в Ананьевском уезде. Имение Флоринских просуществовало там до самой революции. Здесь гостили летом все дети, жившие в Одессе, Петербурге, Тифлисе и Варшаве. Отсюда в 1880-х годах была